

Когда Ше Цзе и Фан Чаоцы бок о бок вошли во двор, до их ушей донёлся зычный, полный уверенности голос Эр-е. Попугай вовсю распекал гостей, обзывая их деревенщиной, не выдавшей белого света.

Очевидно, этой язвительной фразе, так и напрашивавшейся на хорошую затрещину, пернатого наглеца научил Ше Цзе — ну или попугай перенял её у хозяина по собственной воле. Эта парочка — хозяин и его питомец — только и делала, что препиралась при каждом удобном случае. Один был несносным болтуном, другой — неумолимым ворчуном. Столкнулись достойные соперники; они могли без устали ругаться с самого утра и до поздней ночи, пока в доме не гасили свечи. Благодаря столь частым словесным баталиям Эр-е превратился в настоящего аса по части склок.

Он впитывал самую суть каждой ссоры с Ше Цзе, а затем ловко пускал эти познания в ход. Ему было неведомо чувство страха перед кем бы то ни было, а уязвлённые оппоненты лишь бессильно скрежетали зубами. Пернатый скандалист доводил людей до белого каления, но что поделать — ведь это был любимец самого Наследника Ше! Приходилось безропотно сносить его выходки.

Первая волна утренних гостей — в основном благородная молодёжь — ещё не знала, кому принадлежит попугай. Однако того факта, что Эр-е преспокойно восседал в поместье Фан Чаоцы, да ещё и прямо на голове его любимого кота, было вполне достаточно, чтобы сделать логичный вывод: эта птица отнюдь не простая и задевать её себе дороже.

Звери и люди застыли друг против друга, храня молчание в духе негласного правила: «не шевелись, пока враг не сделает первый шаг». Они стояли посреди переднего двора, залитого самым ярким осенним солнцем.

Так продолжалось до тех пор, пока Фэйлянь внезапно не нарушил перемирие. Белой молнией он сорвался с места, неся на голове гордо задравшего клюв попугая, и устремился к фигуре, стоявшей в конце крытой галереи. Гордый зверь, обычно никого не удостаивавший вниманием, теперь с тихим ласковым мурлыканьем тёрся о ноги гостя, выписывая безупречные восьмёрки.

Только тогда гости заметили, что на галерее они не одни.

Самым высоким и статным среди них был, разумеется, хозяин усадьбы — Фан Чаоцы. Волосы его венчала нефритовая шпилька, а сам он казался сошедшим с небес бессмертным небожителем, чей облик заставил бы вздохнуть от восхищения даже мужчин.

Но сегодня все взгляды были прикованы не к нему. Рядом с Фан Чаоцы стоял юноша в изящном халате-ланьшань нежно-зелёного оттенка молодой ивы с тёмной каймой. Невысокого роста, он, тем не менее, излучал властное величие. Когда он наклонился, чтобы подобрать ластиющегося кота, его лицо осветилось такой чистой, искренней радостью, что эта мимолётная сцена просилась на холст художника. На его губах не было улыбки, но весь его облик дышал столь глубоким очарованием, что каждому невольно хотелось бросить к его ногам весь мир, лишь бы он благосклонно принял этот дар как должное.

Очарование рассеялось лишь тогда, когда Чжань Хожань негромко кашлянул. Гости словно очнулись от глубокого сна и принялись поспешно оправлять одежду, скрывая секундное замешательство.

Когда кто-то из толпы пригляделся к лицу юноши, догадка наконец осенила присутствующих. Неудивительно, что вредный попугай показался им смутно знакомым! Эта надменная осанка, эти ядовитые речи — да ведь перед ними была живая копия знаменитого на всю столицу Наследника Ше Цзе, чьё детское имя Туньэр некогда гремело на всю столицу!

Три года он не являлся свету, и никто не ожидал, что наследник Ше предстанет пред ними столь ослепительным. Все знали, что он унаследовал лучшие черты своего отца Ше Хэ и Великой старшей принцессы-покровительницы государства Вэнь Тянь, но реальность превзошла любые ожидания.

Сказанные когда-то в шутку слова, обращённые к Цянь Цзя: «Неужели этот Фан Чаоцы может быть краше меня?» — вовсе не были плодом слепой самовлюблённости. Он действительно был невероятно хорош собой, и с годами эта красота лишь расцветала. Сам Ше Цзе не кривил душой и не пытался кокетничать в духе: «О, мне не важна внешность, я хочу, чтобы ценили мой ум». Ума у него не водилось, и он прекрасно это понимал. Быть красивой пустышкой, набитой соломой, куда приятнее, чем просто соломенным чучелом, верно?

Однако при всей любви к собственной внешности Ше Цзе всё же отдавал должное благородному облику и манерам Фан Чаоцы — тот был для него идеалом. Но против природы не пойдёшь, приходилось лишь молча завидовать.

Фан Чаоцы повернулся к нему и мягко улыбнулся. Он не только не скрывал своего тёплого отношения к Янею Ше перед гостями, но, казалось, даже жаждал заявить на него свои права перед целым светом. Он тихо, так, чтобы слышали все присутствующие, спросил:

— Почему ты так смотришь на меня?

— Любуюсь, — с лёгкой разбойничьей ухмылкой, ничуть не уступающей в наглости его попугаю, отозвался Ше Цзе. — Смирись со своей долей, красавица, и покорись мне!

— Как пожелаешь, — без тени сомнения согласилась «красавица» Фан.

Ше Цзе даже немного разочаровался. В настоящем флирте должны быть бурные протесты, шутливое сопротивление, чтобы играть было интереснее! А этот коварный заговорщик сдался без боя, лишив его всякого чувства победы. Что и говорить, настоящий интриган, точно знающий, как завладеть чужим сердцем.

Большинство собравшихся знали наследника Ше хотя бы по слухам о его былых подвигах. Шутка ли — любимец трёх сменявших друг друга императоров! Но для самого наследника Ше почти все лица здесь были чужими. Лишь Чжань Хожань казался смутно знакомым.

Поэтому, когда они двинулись навстречу гостям, наследник Ше хранил высокомерное молчание. Он слегка вздёрнул подбородок и с высоты крытой галереи окинул высокомерным взглядом благородных господ, включая самого великого художника Чжаня.

Остальные не решались заговорить с ним, наткнувшись на эту ледяную стену, но Чжань Хожань не побоялся холода. Его взгляд был прямым, ясным и лишённым всякой пошлости — в его глазах читалось лишь искреннее, чистое восхищение чужой красотой.

— Рад нашей встрече, наследник Ше. Мы не виделись целую вечность, а вы, как я погляжу, заметно подросли.

Ше Цзе благосклонно кивнул. Слова Чжань Хожаня пришлись ему по душе.

— Давно не виделись, — коротко обронил он.

Ше Цзе умел быть разным: дома — один, на людях — совершенно другой, словно обладал двойной душой. Четырёх слов вежливости для постороннего было более чем достаточно.

Фан Чаоцы незаметно шагнул вперёд, заслоняя Ше Цзе от излишне пристального взгляда художника:

— Мы так долго не виделись, Хожань, неужели тебе нечего сказать мне?

— Уйди с глаз моих, видеть тебя не могу! С каждой встречей ты становишься всё краше, только злить меня горазд, — в шутливой манере отмахнулся Чжань Хожань. Из их лёгкой перепалки было ясно, что они старые друзья, умеющие подтрунивать друг над другом так, как посторонним и не снилось.

Художник попытался обойти Фан Чаоцы, чтобы снова заговорить с Ше Цзе, но тот плавным, естественным движением увлёк молодого князя за собой в сторону цветочного павильона.

Если смотреть со спины, они представляли собой идеальную пару: один в парчовом халате цвета тёмного бамбука, другой — в нежно-зелёном одеянии оттенка молодой ивы. Высокий и пониже, они шли плечом к плечу сквозь осенний сад, мимо водных павильонов, и казалось, сама природа сотворила их друг для друга.

Ше Цзе в своё время вычитал в записях Небесного камня забавную фразу про «цвет всепрощения» и шутки ради заставил Фан Чаоцы облачиться в зелёное. Результат превзошёл все ожидания: Фан Чаоцы в этом наряде выглядел безупречно — истинный благородный муж, чистый и стойкий, как бамбук на ветру. Пленённый этим образом, Ше Цзе тут же велел сшить и себе нечто подобное.

Видя восхищение в глазах Чжань Хожаня, Ше Цзешний раз утвердился в мысли, что

зелёный ему к лицу. Впредь он решил придерживаться этой тактики: пусть сначала Фан Чаоцы примеряет новые наряды, а если они будут хороши, Ше Цзе сошьёт себе такие же.

Молодые люди гурьбой прошли в цветочный павильон и расселись за столиками.

Не успел Фан Чаоцы разлить чай, как Чжань Хожань снова переключился на Ше Цзе:

— Наследник Ше, неужто вы с Чаоцы так близки? Почему я раньше об этом не слышал? Скрывать подобное от друга — просто чёрная неблагодарность!

Ше Цзе, лениво поглаживая лежащего на коленях Фэйляня, нахмурился. Ему очень не хотелось, чтобы посторонние узнали, что они с Фан Чаоцы знакомы без году неделя.

— А с какой стати мы должны отчитываться перед тобой? Разве мы так близки? — холодно отрезал он.

Едва договорив, Ше Цзе мысленно обругал себя. На людях он всегда держался резко, но Чжань Хожань всё же был другом Фан Чаоцы, и ставить хозяина дома в неловкое положение не следовало.

Однако Чжань Хожань лишь обезоруживающе рассмеялся. Ше Цзе недоуменно покосился на него, искренне не понимая этих странных отпрысков великих семейств.

— Раньше мы не были близки, но теперь, когда у нас появился общий друг, ничто не мешает нам сойтись поближе, — с весёлым упрямством отозвался художник.

Он с детства питал слабость к красивым людям, без какого-либо дурного умысла, просто любя всё эстетически совершенное. Матушка не раз говаривала, что родись он в эпоху Вэй и Цзинь, его страсть к прекрасному была бы удовлетворена сполна.

Фан Чаоцы молча улыбнулся и пододвинул к Чжань Хожаню чашечку ароматного цветочного чая. Тот послушно притих, хотя его лицо по-прежнему хранило выражение беззаботного веселья.

Ше Цзе мысленно перевёл дух. Чжань Хожань вызывал у него симпатию, но становиться его другом он не собирался. Будь у него такое желание, они бы сошлись ещё много лет назад.

Они оба принадлежали к высшему свету Великой династии Ци, но между ними пролегла невидимая, однако непреодолимая черта. С одной стороны стояли древние, знатные кланы с вековой историей, с другой — императорская родня и выскочки последних десятилетий, у которых грязь с крестьянских полей ещё не сошла с сапог. Сколько бы Ше Цзе ни баловали изысканными яствами, он чувствовал, что они созданы из разного теста. Ему было куда приятнее слушать, как спорят из-за пустяков Старый дядя и старец Гу, чем вести пустые

светские беседы с этими изнеженными господами.

«Разные миры, не стоит и пытаться слиться в один», — рассудил про себя Ше Цзе.

Фан Чаоцы мастерски принял весь удар на себя. Стоило кому-то попытаться заговорить с Ше Цзе, как он парой искусных фраз уводил разговор в иное русло.

Вскоре начали прибывать другие гости. Теперь Ше Цзе мог спокойно сидеть в стороне, гладить кота, дразнить попугая и делать вид, что происходящее его не касается. К нему, как к обладателю самого высокого титула на этой встрече, никто не смел лезть с глупыми расспросами.

До начала приёма Ше Цзе представлял себе, как какой-нибудь напыщенный глупец непременно заявит: «Как на столь благородном поэтическом собрании оказался этот неуч Ше Цзе?», и смаковал, как проучит наглеца. Но реальность оказалась прозаичнее: глупцов среди гостей не нашлось. При упоминании имени Ше Цзе все мгновенно притихли и старались держаться тише воды, ниже травы, словно боясь навлечь на себя гнев Наследника Ше.

К тому же, когда прибыли прославленные мудрецы и литераторы, задирать нос перед Ше Цзе стало и вовсе некому — ведь все почтенные старцы, как выяснилось, были с ним на короткой ноге.

В этом не было ничего удивительного. Круг Цзянцзо и столичной интеллигенции был узок. А покойный Ше Хэ в своё время считался первым среди равных в империи. Те, кто когда-то дружил с ним, теперь составляли костяк учёного сословия. Ше Цзе мог не знать молодых дворян, но среди именитых мудрецов у него едва ли не в каждом углу сидел то дядя, то названный дедушка.

Почтенные мужи окружили молодого князя заботой. Для них Ше Цзе был возможностью лишний раз подчеркнуть свою былую близость к великому Ше Хэ, чьё имя давно стало легендой. Кто-то журил его за лень, кто-то расспрашивал о здоровье — каждый пытался выразить своё участие.

Особенно выделялся старейшина Чэнь — бывший наставник Ше Хэ. Дедушке шёл девятый десяток, но он всё ещё лелеял надежду наставить Ше Цзе на путь истинный и заставить его грызть гранит науки. Сам старец Чэнь из-за слабости здоровья приехать не смог, прислав вместо себя своего младшего ученика.

Этот ученик приходился Ше Хэ младшим соучеником-шиди, а Ше Цзе — шишу, то есть дядей. Шишу Нань был признанным талантом, посвятившим себя чистой науке. С Ше Цзе они общались сдержанно и вежливо, как приличные незнакомцы. Единственное, что связывало их раньше, — редкие кивки при встречах у старейшины Чэня. Правда, после несчастья, случившегося с Ше Цзе, Шишу Нань несколько раз навещал его от имени учителя, но Ше Цзе тогда пребывал в беспамятстве и ничего не помнил. Зато дорогие снадобья и укрепляющие отвары текли в усадьбу Ше нескончаемым потоком.

Нань Цзыво обладал неприметной внешностью, но выдающимся умом. Несмотря на относительную молодость, он пользовался огромным уважением и на собрании занимал почётное место.

Встретить Ше Цзе на приёме у Фан Чаоцы для него оказалось полной неожиданностью. Ше Цзе удивлён был не меньше: эти двое казались людьми из совершенно разных миров, и как они ухитрились сойтись — оставалось загадкой.

Тем не менее среди толпы чужаков они невольно потянулись друг к другу.

— Как твоё драгоценное здоровье? — негромко спросил Нань Цзыво, присаживаясь рядом.

— Благодарю, Шишу Нань, всё хорошо.

— Вот и славно.

— Как Старейшина Чэнь?

— Недавно оступился и упал, но ничего серьёзного.

— Как только окрепну, непременно навещу его.

— Твоя забота похвальна, но ты сам едва оправился от недуга. Побереги себя, не усердствуй. Да и учитель, чего доброго, опять начнёт тебя распекать за нерадивость.

Шишу Нань втайне радовался, что племянник наконец-то взялся за ум и завёл дружбу с таким достойным человеком, как Фан Чаоцы. Старые друзья Ше Хэ разделяли это мнение, полагая, что раз уж Ше Цзе сошёлся с лучшим выпускником академии, то завтра и сам непременно сдаст экзамены на отлично.

Впрочем, кое-кто хмурился, переводя взгляд с Ше Цзе на Фан Чаоцы. Одни опасались, что взбалмошный Наследник Ше совершит благородного учёного с пути истинного, другие подозревали, что Фан Чаоцы просто ищет выгоды, пытаясь примазаться к славе покойного Ше Хэ.

Напрямую расспрашивать хозяина дома никто не решался, поэтому расспрашивать принялись Чжань Хожаня. Но тот лишь лукаво улыбался и ловко уходил от прямых ответов:

— Близки ли они? Разумеется! Мы все тут добрые друзья, иначе зачем бы нам пить чай за одним столом?

— Как сошлись? Да как обычно люди сходятся. Мы ведь столько раз виделись на пирах и приёмах в столице.

— Зачем мы собрались втроём? Исключительно ради науки и блага нашего государства, господ!

Благодаря молчаливому согласию Фан Чаоцы, уже к полудню весть о неразрывной дружбе Наследника Ше и блестящего Фан Чаоцы разлетелась среди гостей. С этого момента они повсюду появлялись только вместе.

<http://bllate.org/book/19472/1998904>